

ТЕРМИН «РЕЛИГИЯ» В КОНТЕКСТЕ «ГЛОКАЛЬНОГО» ПОДХОДА К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РОССИИ И ЯПОНИИ

Е.И. Аринин, Н.М. Маркова, С. Такахаси

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

600.000, г. Владимир, ул. Горького, 87. E-mail: eiarinin@mail.ru

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

600.000, г. Владимир, ул. Горького, 87. E-mail: natmarkova@list.ru

Государственный Университет Кюсю,

744 Мотоока, Ниши-ку, Фукуока, 819-0395, takahashisanami.003@m.kyushu-u.ac.jp

В статье даётся анализ денотаций и коннотаций, связанных с термином «религия» в русском и японском социокультурных контекстах с позиций «глокального» религиоведения. В российской культуре термин «религия» фиксируется с начала XVIII века, приобретая формы двух основных подходов, первый из которых заключается в анализе самих социально-исторических феноменов (денотатов), относимых к «религии как таковой» (от инославия до атеизма), тогда как второй фокусируется на изучении коннотаций лексемы «религия». В японской культуре европейское понятие «религия» утверждается со второй половины XIX века, ассоциируясь у большинства населения с внешними для народных синтоистских традиций феноменами новых религиозных движений, христианства и буддизма, часто сопровождаемыми негативными коннотациями. Исторически возникший в европейской культуре термин «религия» 1500 лет был связан с христианскими коннотациями, восходя к дохристианской эпохе развития римской культуры и творчеству Цицерона, отделившему локальные коннотации понимания «страшного» и «опасного», бытовавшие в народных представлениях («суевериях») – от «подлинно страшного» и «опасного для государства» с позиций философии, определив религию как «служение высшему порядку природы».

Религия выступила как социальный идеал мудрой солидарности, включающий философское осмысление как древних традиций народа («Mos Maiorum»), так и его описаний «теологами» (поэтами и философами, иногда атеистами), где мнения, основанные на страхе перед незримыми силами, правящими миром, могли быть признаны «суевериями», противо-

поставляясь критичным размышлениям интеллектуалов разных философских школ «о природе богов», помогающим разумно поддерживать гармонию «Pax Deorum», при этом не впадая в радикальный «атеизм», видевишийся угрозой социальному порядку, законности и справедливости.

Ключевые слова: денотации, коннотации, термин «религия», феномен религии, Россия, Япония, религиоведение.

Введение

Современное общество уже целое поколение, с конца XX века, пребывает в небывалой прежде ситуации постоянно разрастающейся глобальной «интернет-деревни», где новость из любой точки мира может за 1 секунду стать всемирным событием. В 2001 г. появился и постоянно расширяется сайт проекта «Wikipedia» (Википедия), ставший пятым по популярности в мире, демонстрируя новую форму глобальной генерализации и межкультурной коммуникации, ведущих к унификации многообразных культурных феноменов.

Все они в течение тысячелетий обсуждались только представителями локальных элит, но за эти годы стали достоянием СМК (средств массовой коммуникации) и, соответственно, обыденного языка повседневного общения. Лингвисты и профессиональные переводчики отмечают появление таких феноменов как «Englishization», «глобанглизация» и «глокализация». Они констатируют, что первые провоцируют «массовое использование трансплантатов, транскрипций и транслитераций, которые, с одной стороны, оставляют содержание понятия нераскрытым и формируют инородные, неестественные образования (часто не отвечающие орфоэпическим нормам языка и требованию благозвучности) в принимающих языках, а с другой – нивелируют риск неверной интерпретации новых терминов и делают их интернациональными».

Последнее «заставляет переводчиков создавать зачастую сложные по форме, но

мотивированные по содержанию варианты переводов. Такие переводы, с одной стороны, отличаются громоздкостью и низкими реверсивными способностями (поиск оригинального варианта при обратном переводе), а с другой – легко ассимилируются и привносят локальный оттенок в значение того или иного термина» [Чистова, 2015: 271, 279]. Наш текст является выражением стремления сопоставить денотации и коннотации, связанные с термином «религия», который является одним из наиболее представительных в Википедии, присутствуя в статьях на 205 языках (данные на 23.06.2019), фокусируясь при этом только на русском и японском контекстах.

С одной стороны, слово «религия» обозначает некую особо выделяемую область социальной реальности, отличную, к примеру, от таких областей как, к примеру, «философия», «химия» или «искусство» и выступающую как глобальный трансисторический и кросскультурный феномен. К ним были причастны индивиды всех сообществ и культур, как это полагали Цицерон, Августин или Дюркгейм, создавшие известные определения религии. С другой стороны, не менее очевидно, что прихожане, к примеру, храма Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) или Русской Православной Старообрядческой Церкви (далее – РПСЦ) во Владимире акцентируются, как правило, на уникальной специфике своих вероисповеданий.

При этом вообще они не интересуются академическими дискуссиями по проблемам общего содержания термина «религия», который для них, как и для известного канадского исследователя, может

выступать всего лишь как абстрактный «интеллектуальный конструкт», созданный в трактатах европейских философов не ранее XVII в. [Smith, 1991: 37]. Данный «конструкт», тем не менее, имеет прямое отношение к латинскому слову «religio», первое философское описание которого дал Цицерон (Marcus Tullius Cicerō, 106-43 гг. до н. э.), отделивший его от термина «superstitio» («δεισιδαιμονία», «суеверие»).

В культуру России слово «религия» вошло в XVIII веке, а Япония приняла его в XIX столетии, наделив специфическими локальными коннотациями. В XXI в. обе страны оказались в условиях «глобальной однородности» и «глокализации» как осознания «ценности собственной уникальности» [Фомичев, 2000: 215-216]. Последняя идея сформировалась в Японии в 1980-х гг. XX века в контексте решения проблем ведения сельскохозяйственного бизнеса, когда было предложено сменить стандарты прежней однородности брендов на нормы «дочакузации» (от «дочакука», 土着化、indigenization, то есть «делать что-либо по местному», «жить на собственной земле») или «глокализации» («Glocalisation», Roland Robertson, 1997), учитывающей местные особенности и способствующей лучшей продаже товаров. Идея необходимости учёта местных особенностей России и Японии, как полагают авторы, поможет преодолеть некоторые стереотипы глобализации, учитывая данные проекта «глокального религиоведения», представленные ранее [Аринин, 2017: 25-36].

I. Российская специфика

В российской культуре интерес к пониманию того, что представляет собой религия, фиксируется с начала XVIII века, приобретая формы двух основных подходов. Первый заключается в анализе самих социально-исторических феноменов (денотатов), относимых к «религии как таковой», состав которых постоянно расширялся:

– от описаний инославных христианских «релижий» европейских стран (Куракин Б.И., 1705) и иноверной «му-

хаммеданской религии» (Кантемир Д.К., 1722);

– распространившись вскоре на исповедание самой «грекороссийской церкви» как «нашей святой религии» («notre sainte religion», Екатерина Великая, 1744); буддизм («Шигемуниеву веру», Белл Д., 1776), шаманизм («Шаманской языческий закон», Георги И.Г., 1777), народные верования («единомыслие народа», Киреевский И.В., 1832) и даже атеизм как «естественную религию» (Брэдли Ч., 1907).

Коннотации трансформировались от политически значимого интереса к экзотичным «чужакам» («инославным» у Куракина и «иноверцам» у Кантемира) до фундаментального философского поиска единства в многообразии индивидуальных и коллективных «форм постижения последних оснований бытия». При этом противопоставлялись изучаемая наукой «натура» («естество», «естественное»), и «сверхъестественное», символически представляемое религией (теологией). То есть «сакральное» отделялось от «профанного» и «таинственное» – от «освоенного».

Второй подход фокусируется на изучении: самой лексемы (слова) «религия»; её происхождения (этимологии); многообразия (морфологии); богатства значений (денотаций); множества смыслов (коннотаций). Масштабный лингвистический электронный ресурс «Национальный корпус русского языка» показывает (на 23.06.2019), что лексема «религия» встречается в 1508 документах при 4210 вхождениях [Национальный корпус]. Из них только 5 документов приходится на XVIII век (начиная с 1783 г.), в 70 раз больше (около 350) его включают издания следующего, XIX в., ещё в 3 раза больше текстов (около 1000) публикуется в XX столетии. А только за первые годы XXI в. презентовано уже около 500.

Помимо книжных текстов, отмеченных выше, в поисковых системах Google и Яндекс встречается, соответственно, 67 800 000 и 6000 документов, включающих блоги, комментарии и другие формы разговорной речи. Таким образом, слово «религия» в течение последних 250 лет

активно включилось в русский язык, вытесняя другие лексемы (вѣра, церковь, православие, христианство и т.п.). Показательна в этом контексте эволюция подходов к переводу на русский язык трактата Цицерона «*Denatura deorum*» (44 г. до н.э.). Впервые идеи Цицерона были представлены российской читающей публике «для наставления юношества» в качестве перевода с французского пересказа идей латинского оратора в тексте «*Pensées de Cicéron, traduit espour servir à l'éducation de la jeunesse*» (1744), аббата Пьера Жозефа Тулье д'Оливье (Pierre-Joseph Thoulier d'Olivet, dit l'abbé d'Olivet, 1682—1768), члена Académie française и учителя Вольтера, сделанным И.А. Шишкиным, отредактированным М.В. Ломоносовым и изданным Императорской Академией наук в 1752 г. под названием «Мнения Цицеронови из разных его сочинений, собранные аббатом Оливетом».

Первый самостоятельный перевод под названием «О естестве богов» был опубликован в 1779 г. (М. Туллия Цицерона О естествѣ Богов три книги переведены с латинскаго языка Григорьемъ Комовымъ), при этом слова «religion» и «religio» в этих двух изданиях были переведены как «закон» в духе решений Вестфальского мира 1648 г. и утвердившегося принципа «чья земля, того и вера» («*cuius regio, ejus religio*») (1555 г.)

Только с переводов начала XIX в. слово «religio» Цицерона начинают передавать с помощью русской лексики «религия» (Гриневич И.Ф. Бесѣды Цицеронови о естествѣ боговъ, 1817, Харьков). В конце этого века утверждается современное название «О природе богов» (С.Б., 1892, Ревель), сохраняющееся в двух переводах советского периода (1982 г., Т.А. Лапина, и 1985 г. – М.И.Рижского). Перевод конца XIX века, выполненный Степаном (Иоахимом) Осиповичем (Иосифовичем) Блажеевским (1847-1915), оказался взятым в качестве нормативного в XXI веке, получив уже несколько переизданий (2002-2018).

Сложившиеся за период после Миланского эдикта (*Edictum Mediolanense*, 313) денотации и коннотации слова «religio», утвердившегося как обозначение осо-

бого и уникального института «*Ecclesia Catholica / Καθολική Εκκλησία*» в *Imperium Romanum / Βασιλεία τῶν Ῥωμαίων*, трансформировались во множество юрисдикций (konfession, geständnis, religious denomination, dénomination religieuse, denominacion religiosa, wyznanie, конфесія, канфесія, спавяданне, веравызнанне, рэлігійнагавучэння, деноминација, konfesija, vjeroispovijed и т.п.). Они были признаны региональными властями за локальные «religio» в статусе местного «закона», то есть обязательного вероисповедания на территории того или иного суверенного государства.

В Российской империи Петра Великому им стало «грекорооссийское исповедание» («Всероссийская Церковь», Регламент или устав духовной коллегии, 1721; «Вера Православная Восточная Грекороссийская», 1832; «Вера Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания», 1857 и т.п.). В Великобритании аким religio стала Anglican Church (*Ecclesia Anglicana, The Church of England* и т.п.). Наряду с господствующим вероисповеданием, власти признавали в качестве «допускаемых» ряд других юрисдикций, списком противопоставляемых преследуемых властями «раскольникам», «безбожникам» и «сектам». Они, в свою очередь, делились на вреднейшие, вредные и менее вредные [Маркова, 2015: 66].

Известный всем термин «православие», фиксируемый с XIII века (1246 г.), только в XX веке приобретает характер эксклюзивного конфессионима, обозначающего приходы Московского патриархата и находящихся с ним в евхаристическом единстве юрисдикций. Православие вплоть до наших дней противопоставляется не только в массовом сознании и СМИ, но в научных и юридических документах, к примеру, «старообрядцам» и «раскольникам».

Радикальные изменения происходят в XX веке, когда все вероисповедания стали квалифицироваться властями с позиций «воинствующего атеизма» («Союз безбожников»; «Общество друзей газеты «Безбожник»»; «Союз воинствующих безбожников», 1925-1947) как «религиозные

суеверия», а их последователи включаются в собирательную группу «верующих всех культов», подлежащие контролю со стороны спецслужб как явные или потенциальные «враги народа». Для них требовались перевоспитание, изоляция или даже физическое уничтожение (Федоренко, 1965). Распад «мировой системы социализма» и СССР (1989-1991) привели к возникновению современной Российской Федерации, где не только в СМК, но уже и на судебных заседаниях активно обсуждаются феномены «тоталитарных сект», «религиозного терроризма» и «экстремизма на религиозной почве».

II. Японская специфика

Некоторые особенности восприятия японцами европейского по своему происхождению понятия «религия» мы уже представляли ранее [Такахаси, 2015: 90-106]. В современной Японии английское «religion» или русское «религия» переводится через иероглиф «宗教» (Shūkyō), понимаясь как «общие ценности, верования, способы достижения внутреннего покоя путём соблюдения и следования учению богов и Будды» [Yoshikawa, 1982: 979]. Современное слово «Shūkyō» как перевод с английского «Religion» впервые появилось в торговом договоре Ансэй между Японией и США в 1858 г., при этом в тот период слово «Religion» переводилось несколькими словами: «宗教» (Shūkyō, учение доктрины), «宗旨» (Shūshi, суть доктрины) или «宗法» (Shūhō, закон доктрины).

В отличие от России, с XVIII века особенно тесно связанной с Европой, Япония с начала XVII жила в статусе своеобразной изоляции от европейцев до второй половины XIX века, в том числе и в религиозном плане. До 1873 г. японское правительство запрещало христианство, а в это время в стране получили распространение формы объединения синтоизма с буддизмом. Сложились и сосуществовали разные школы этих синкретичных вероисповеданий, представляя особые способы духовного спасения, молитв и практик, при этом, однако, в принципе не пред-

ставлялось возможности существования другой, отличной от местных традиций, системы веры.

Только начиная со второй половины XIX века установился новый период в отношениях с европейскими странами, когда Япония признала допустимость христианства наравне с местными вероисповеданиями. Термин «Shūkyō» внедрился как нормативная лексема для перевода английского «Religion» лишь после 1873 г., крайне редко встречаясь в японских текстах до этого. Строго говоря, до внедрения термин «Shūkyō», фактические массовые представления большинства японцев о том, что европейцы называют «религией», были двоякими. С одной стороны, некоторые фокусировались на практиках, обычаях и прочих внелингвистических формах поведения и традициях, соответствующих вероисповеданий (то есть буддизма и синтоизма), которые в англоязычной религиоведческой литературе принято называть «ethnicreligion», «folkreligion», «indigenoureligion» или «naturereligion».

Эти термины со второй половины XX в. стали заменять ранее употребляемые этнографами наименования «primal religion», «primitive religion» или «tribal religion», имевшие негативные коннотации и подчеркивавшие ущербность любых так называемых «народных» и локальных традиций в сравнении с институциональным христианством как «religion» европейцев. С другой стороны, фокус мог обращаться на «книжные» и концептуальные системы убеждения, характерные для образованных элит. При этом слово «Shūkyō» принадлежало именно ко второй группе, став заимствованием из буддийских источников, где оно имело коннотацию:

- «истинного учения, которым является Буддизм»;
- «абсолютной истины, не выразимой словами, учением, предназначенным для распространения в народе» [Isomae Jun'ichi, 2015: XV, XVII-XVIII].

Термин «японская религия» («Japanese religion») был впервые предложен в 1907 году для англоязычных читателей одним

из основоположников японского религиоведения профессором Токийского императорского университета Масахару Анэсаки (姉崎正治, 1873-1949), только позднее войдя в употребление в самом японском обществе [Isomae Jun'ichi]. Первоначально этот термин тоже имел двойной смысл: во-первых, обозначая особенности «религии» как собирательного феномена для всех традиций в Японии, а, во-вторых, обозначая каждую из отдельных традиций Японии.

Первое значение называют «эксклюзивистским», тогда как второе – «инклюзивистским», при этом большинство японских учёных сознательно избегают употреблять этот термин в эксклюзивистском смысле. Причиной такого избегания является то, что определения слова «религии» интуитивно для большинства японцев подразумевают:

– либо концепции типологически близких между собой авраамических религий, то есть христианства, ислама и иудаизма, пришедших из европейского контекста;

– либо особую общность лексики буддийской традиции «宗旨» (Shūshi), или «宗門» (Shūmon), основанной на признании учения Будды в качестве абсолютной истины.

Когда японские специалисты начали употреблять данный термин, они больше внимания уделяли изучению догматики и вероучения, которые выражаются на английском языке словом «belief». Современный японский религиовед, Дзюн-ичи Исомаэ (磯前順 – 1961), объясняя процесс образования понятия религии в Японии, отметил, что на него оказали влияние не только Европа, но и моральные аспекты конфуцианства. По мнению Исомаэ, конфуцианство и протестантизм имеют общие черты, подчёркивая определяющую значимость морали для светской жизни.

В итоге, религиозные практики, характерные для народной повседневной жизни, квалифицировались в качестве поведения, не подпадающего под рубрику «религия» [Isomae Jun'ichi, 2015: 34-36]. Иным словом, слово «религия» обычно не употребляется для обозначения таких форм повседневного поведения, как

празднование Новогодних праздников «正月» (Shōgatsu), летних праздников в честь предков «盆» (Bon) и других форм их традиционно-культурного почитания «先祖供養» (Senzokuyō). Вместе с тем, именно это понимание «религии» является сегодня фактически наиболее распространённым в обществе, поскольку современные японцы, не признавая себя «религиозными людьми», тем не менее, активно участвуют в таких традиционных практиках.

Это непосредственно проявляется в парадоксальной статистике о религиозности японцев, показывающей два типа данных. С одной стороны, согласно анализу Института Статистических Материалов (統計数理研究所) в 2013 г. в ответ на вопрос «Вы имеете интерес к вере или вероисповеданию «信仰» (Shinkō), «信心» (Shinjin) и другим подобным явлениям?» были получены следующие ответы: 1). Имею. Верю. — 28% и 2). Не имею. Не верю. Не интересуюсь. — 72 %, то есть 72 % респондентов считают себя «нерелигиозными» и «неверующими» [Center for Mathematical]. Действительно, японцы в основном считают, что они являются «нерелигиозной» или «безрелигиозной» нацией. Одновременно, однако, в той же анкете 66% респондентов ответили, что для них важен религиозный дух и мораль «宗教心» (Shūkyō-shin).

С другой стороны, согласно данным «Ежегодника религии» 2018 г., опубликованных Агентством по делам культуры (文化庁) при Министерстве образования, культуры, спорта, наук и технологии, число верующих в Японии достигает 181,164,731 человек [Agency for Cultural Affairs, 2015: 35]. Если мы обратим внимание на общее население Японии (примерно 126 230 тысяч человек в 2019 г.), то сразу становится понятно, что «религиозное» население почти в 1,4 раза больше, чем число всех жителей страны. Столь значительная разница между этими двумя типами данных объясняется, прежде всего, методикой проведения указанных исследований. Так, если Институт Статистических Материалов проводил опросы методом личного интервью по выбор-

ке населения в возрасте от 20 до 85 лет и охватом от 2254 до 6400 человек, то Агентство по делам культуры опрашивало религиозные объединения. Каждое религиозное объединение по-своему определяет своих «верующих» и «последователей».

Например, синтоистский храм может посчитать всех участников в Первом посещении храмов в дни Нового года «初詣» (Hatsumōde) приверженцами Синто. Буддийские храмы обычно считают верующих по количеству «檀家» (Danka), учитывающему принадлежность семей к тому или иному храму, традиция такого приписывания восходит к 30-м годам XVI в., когда сёгунат Токугава «徳川幕府» (Tokugawa Bakufu) установил законы, согласно которым всё население должно было приписать себя к определённому буддийскому храму [Fumio Tamamuro, 1999: 61-66]. Данные законы, конечно, уже давно утратили юридическую силу, однако и сегодня многие люди проводят похороны членов семьи и осуществляют культ предков в буддийском храме «檀那寺» (DannaDera), к которому принадлежит их семья по традиции. К тому же, буддийский храм в некоторых случаях может причислить к своим приверженцам всех участников практик медитации «座禪» (Zazen) и переписывания сутр «写經» (Shakyō), которые проводятся для эмоционального успокоения и достижения удовлетворительного морального состояния.

Таким образом, индивидуально не считая себя «религиозными» людьми, большинство японцев практикует разные религиозные практики в своей повседневной жизни. Это объясняется тем, что типичные японцы понимают термин «религия» в весьма негативном смысле. Данное понимание формировалось в контексте ряда исторических событий, из которых особенно существенную роль сыграли появление христианства в форме католицизма, пришедшего в Японию во второй половине XVI в., когда в 1549 г. иезуитский миссионер Франциск Ксаверий (Franciscus Xaverius, 1506-1552) приехал в Японию, где успешно проповедовал это новое учение. Затем последо-

вало запрещение христианства как «邪宗門» (Jyashūmon, «дурного, варварского учения») с начала XVII и до конца XIX в. В народном сознании христианство остаётся связанным с памятью о запретах и жесточайших гонениях.

Другим важным обстоятельством стало учреждение государственного синтоизма «国家神道», сохранявшегося со второй половине XIX в. и до 1945 г., когда было установлено современное положение дел, при котором император был объявлен человеком, а не богом, и где Конституцией «日本国憲法» была гарантирована свобода вероисповедания. Обратной стороной этой свободы стало возникновение многочисленных новых религиозных движений «新宗教» (Shin-Shūkyō). Самый громкий и скандальный общественный резонанс во всем мире вызвало возникшее в 1984 г. сообщество «オウム真理教» (AUM Shinrikyō), то есть «учение высшей истины Вселенной».

Оно осуществило теракт в токийском метро 20.03.1995, а его лидер Секо Асахара (麻原彰晃, 1955-2018) был приговорён к смертной казни, приведённой в исполнение в 2018 г. Иными словами, понятие религии для типичных японцев крепко связывается с новыми религиозными движениями, в том числе и с группой Асахары, которые, как показала история, способны приносить не только большой экономический ущерб. Они несут в себе риски для жизни верующих и их семей, часто разрушая эти отношения. Таким образом, в Японии понятие религии может иметь сугубо негативную коннотацию, несмотря на то, что большинство японцев отнюдь не пренебрегает почитанием традиционных божеств, предков и духов умерших.

III. Религия в интерпретации “глокального религиоведения”

Феномен «Englishization», характерный для современной межкультурной коммуникации, в том числе между Россией и Японией, сам должен быть интерпретирован как специфическая форма исторической «глокализации». Она позволяет

осмыслить отношения Запада и Востока, авраамических, буддистских и народных традиций в горизонте глобальной семантической эволюции латинского слова «religio», ставшего базовым в XX в. для понимания сложившейся социальной реальности. Марк Туллий Цицерон, согласно первому в письменно зафиксированной истории определению, данному им ещё в юношеском трактате «Риторика, Или об изобретении» («De inventione», 84 г. до н.э.), писал, что «Religio est quae superioris cuius damnaturae, quam divinam vocant, euram cerimoniamque affert» (Invent. II. 53, 161).

В переводе, представленном В.К. Шохиним, это читается как «религия есть то, что позволяет [людям] служить и поклоняться высшему порядку природы, который называется божественным» [Шохин, 2010: 278]. Более детально Цицерон возвращается к этой теме почти через полвека, в трактате «О природе богов» (De natura deorum, 45/44 г. до н.э.), написанным незадолго до гибели. Здесь слово «religio» обозначает законно установленные властями и искренне поддерживаемые всеми «понтификальные практики» как нормы «почитания высшего порядка природы», которые он противопоставил маргинальным «superstitio» («δεισιδαιμονία», «суеверие»), признавая первые «похвальными», принесшими римскому народу его впечатляющие победы, а второе – «порочным» [Цицерон, 2002: 36, 127].

Цицерон был современником братоубийственных гражданских войн и кризиса Res Publica Romana, когда общество и элиты столкнулись с необходимостью переосмысления «Mos Maiorum» (mores maiorum, πάτριος νόμος, законы отцов, обычай предков, традиции древних, поведенческий канон) [Дементьева, 2009: 204-205]. Эти традиции, которыми Quirites (граждане) в Риме объединились в сплоченное и солидарное целое «Pax Deorum» («мира богов», «мира с богами», «жизнь индивида в гармонии с высшим порядком естества») [Сини, 2007: 10-11]. Для Цицерона слово «religio» обозначает именно «святое и благочестивое почитание богов» (то есть «высшего порядка

природы»), состоящее «в том, чтобы всегда благоговеть перед ними с чистым неиспорченным сердцем и словом» [Цицерон, 2002: 127].

В таком историческом контексте слово «religio» выступило обозначением спасительной «солидарной силы», тогда как слово «superstitio» – силы губительных дезинтеграции, «индивидуации» и «атомизации» (греческое «ἄτομος» на латыни звучит как «individuus») социума. Этимологические исследования показывают, что латинское слово «superstitio» прошло сложную историю формирования, отразив появление в римском обществе философской критики, когда «просвещённый и философский взгляд рационализирующих римлян отделил «religio», ...истинное почитание» от ««superstitio» деградировавшей, извращённой религиозной формы» [Бенвенист, 1995: 399-402].

До Цицерона слово «religio» и его производные больше относились к тому, что выступало как «нечто сдерживающее, как невидимая узда, прекращающая движение вперед, заставляющая иногда отступить, иногда шарахнуться назад» (выражения «locus religiosus», «religio est», «non est religio», «religio sidies» и т.п.).

Оно, как полагал У. Фаулер (William Warde Fowler, 1847-1921), не обозначало ни установленные законом дни и места, ни добродетели, ни чувство долга, ни моральные ценности в отличие от лексемы «sacer» и её производных («sacrum», «ἱερός», сакральное), обозначавшей то, что публично учреждено и установлено в статусе «отделённого для богов» как «ius divinum» (то есть именно дни, места, добродетель, чувство долга, мораль) [Fowler, 1911: 10].

Э. Бенвенист отмечал, что изначальной семантикой слова «religio» было «вновь начинать прежде сделанный выбор, пересматривать решение, которое из него следует», подчёркивая, что она фиксирует направленность на «внутреннюю расположенность, а не на объективные свойства различных вещей или на совокупность верований и культовой практики» [Бенвенист, 1995: 398].

Данный феномен латинской культуры

в широком «глокальном» смысле можно истолковать в качестве восходящего к универсальным мотивам народной «литературы мудрости» («Wisdom literature»). То есть к таким «пластам словесности», которые, как отмечал С.С. Аверинцев, относятся к вечным фольклорным темам «умиления», «сокрушения сердечного» и «дара слёзного», способностей не просто вновь и вновь «начинать прежде сделанный выбор», но именно сострадать, особенно в периоды социальных и природных катастроф, обнажающих как бессердечность общества, так и бездушие космоса [Аверинцев, 1994: 22, 23, 32].

Начиная с «Эпоса о Гильгамеше» (XXIII—XXII вв. до н.э.) и «Кодекса Хаммурапи» (ок. 1754 г. до н.э.), в первых цивилизациях утвердилось представление, что «божественное право покоится на естественных законах справедливости» [Кофанов, 2001: 14]. Эти «законы справедливости» выступили как критерии «должного» и «достойного» в обществе, оборотной стороной которого, как предупреждали ещё Псалмы, восходящие к эпохе Храма Соломона (950-586 до н. э.), оказывалось «ἐκκλησίαν πονηρευομένων» (ecclesiam malignantium et, церковь лукавствующих, сборище злонамеренных, злодеев, грешников, нечестивых, Псал. 25, 5).

Мы в рамках данного проекта будем опираться в качестве рабочего на определение Н. Лумана, который считал, что религия выражает «тайну» бытия человека в мире как «связывание с начальным», составляющим природу «religio» в самом широком смысле слова, в каких бы культурных обликах она не выступала» [Луман, 2011: 248-249, 250]. «Глокальный» подход к межкультурной коммуникации позволяет наметить контуры универсального академического языка, позволяющего феномены локальных культур и соответствующие «языки первого порядка» осмыслить и реконструировать в терминах глобального «языка второго порядка».

Так, к примеру, сравнивая между собой переводы Цицерона «Denatura deorum» на русский и японский языки, можно отметить локальные особенности культуры,

проявляющиеся в трактовках латинского слова «religio». В качестве русского издания мы взяли текст последнего самобытного издания 1985 г. [Цицерон, 1985]. В Японии тексты Цицерона как одна из основ европейской цивилизации, тоже переводились неоднократно, а в качестве японской версии мы взяли перевод 2000 года [Cicero, 2000]. Далее мы сравним соотношение понятий о религии с понятиями о феноменах философии, теологии, атеизма и суеверия.

Раздел 3 первой книги (далее - I:3) начинается с упоминания о «философах» (philosophi, 哲学者 tetsugakusya), которые размышляли о «богах» (deos, 神々 kamigami), благочестии (pietas, 敬神 keishin), набожности (sanctitas, 崇敬 sūkei) и религии (religio, 畏怖 ifu). В разделе I:63 Цицерон упоминает про философов, которых прозывали «Atheos» («ἄθεος», «атеист», «безбожник», アテオス (無神論者) Ateosu, mushinronsha). Раздел I:117 содержит определение религии, отличающейся от суеверия (superstition, 迷信 meishin), отделяя последнее, как «закрывающее в себе пустой страх перед богами» (神々にたいする虚しい恐怖心を含む) от первого как «страха, который развивается благочестивым поклонением богам» (神々への敬虔な崇拜によって育まれる畏怖心).

Вторая книга содержит утверждение про превосходство римского народа в поклонении богам, дающее ему военные победы и господство над другими народами, при этом здесь в японском тексте появляется термин 宗教 (Shūkyō), а не 畏怖 (ifu), то есть не страх (II:5,8). В третьей книге обращает на себя упоминание о тех, кого «называют теологами» (theologi, 神学者と呼ばれる人たち, shingakusya, III:53).

Таким образом, социальные реалии эпохи Цицерона предстали в его трактате как необходимость философского осмысления и переосмысления неписанных религиозных традиций народа («Mos Maiorum») и его описаний «теологами» (поэтами и философами, порой атеистами). Здесь мнения, основанные на страхе перед незримыми, правящими мирозданием силами, могли быть признаны «суе-

вериями», противопоставленными критичным размышлениям интеллектуалов разных философских школ «о природе богов», помогающим разумно поддерживать гармонию «*Pax Deorum*», при этом не впадая в односторонности «атеизма», угрожающему социальному порядку, законности и справедливости.

В тексте перевода 1985 г., сделанного в конце эпохи СССР, когда было принято религию противопоставлять науке, сводя всю её к «суевериями» в многочисленных изданиях о «религиозных суевериях», полагали, что Цицерон является тайным атеистом. В те годы «высшим порядком природы», постигаемым истинной философией, то есть советским «марксизмом-ленинизмом», считалась только «научная картина мира», основанная на «атеистическом мировоззрении». Японский перевод лучше передаёт отличия массовой традиции «религии страха» от философской традиции «религии высшего порядка природы».

Другие особенности характерны для российских публикаций XXI в., вернувшихся к переизданию перевода 1892 г., который, однако, создавался в условиях государства, где господствующей была «Вера Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания», а все издания подвергались соответствующей цензуре. Тем не менее, текст того перевода написан с позиций «просвещённого православия», учитывающего концепции и точку зрения «науки о религии», возникшей за два десятилетия до этого перевода (Макс Мюллер, 1870). Общее понимание религии сводилось к «почитанию богов» с позиций популярных в тот период концепций «олицетворения сил», разделения «религии поэтов, философов и политиков», где моменты «страха» и «возвышенного» были замаскированы новым для русского языка и вытеснявшим термин «вера», связанный с христианскими и православными коннотациями, словом «религия». Денотат его включал в себя шаманизм, старообрядчество и т.п. фено-

мены.

В церковных и особенно миссионерских изданиях представителей первых двух часто именовали «суеверными язычниками» и «лжеверными раскольниками», тогда как в академических текстах, подобных изданию 1892 года, все они объединялись как собирательная общность носителей «религии» как «веры в сверхприродное бытие», особого «супранатурализма», при этом «атеизм» виделся как «безверие, нередко прикрывавшееся в высшем классе лицемерием». Сегодня эти положения требуют нового осмысления в контексте «языка второго порядка», характерного для современного религиоведения и нового перевода трактата Цицерона.

IV. Выводы

1. Слово «религия» утверждается с XIX века как международный термин, обозначающий особую часть культуры, призванную контролировать «неизвестные», «таинственные», «высшие», «волшебные» и тому подобные феномены бытия, которые вторгаются в освоенную и рационально контролируемую действительность, описанные в традиционных преданиях и личном опыте (сновидения, галлюцинации и т.п.).

2. Исторически термин «религия» связан с развитием европейской культуры и христианскими коннотациями, расширяющими своё значение (денотации) на нехристианские и неевропейские культуры, включая локальные коннотации понимания «подлинно страшного» в «массовом» и «элитарном» контекстах.

3. Глобальное религиоведение утверждает уважение к локальным формам «контроля за таинственным» в разных культурах, различая языки первого и второго порядка, описывающие актуальные формы понимания «высшего порядка природы», вплоть до преодоления конфликтов между концепциями «суеверия», «теологии» и «атеизма».

Список литературы:

Аверинцев С.С. От берегов Босфора до берегов Евфрата // Антология ближневосточной литературы I тысячелетия н.э. М.: МИРОС, 1994. 360 с.

Аринин Е.И. Религия, философия религии и «глобальное религиозоведение»: между «экзотикой», «совестью» и «профессионализмом» (к дискуссиям на Конгрессах российских исследователей религии) // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 25–36.

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.

Дементьева В.В. Римская идентичность: формирование традиций гражданского коллектива // Античный мир и археология. 2009. Вып. 13. С. 203–212.

Кофанов Л.Л. Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. М.: Наука, 2001. 328 с.

Луман Н. Медиа коммуникации // Общество общества. М.: Изд-во «Логос», 2011. С. 203–441.

Маркова Н.М. Проблема веротерпимости в отечественной литературе начала XX века (российское законодательство о расколах и ересях) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2015. Вып. 34. № 20. С. 65–67.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 25.11.2019).

Сини Ф. Право и рах deorum в Древнем Риме // Древнее право. IVS ANTIQVVM. 2007. № 1 (19). С. 8–36.

Такахаси С. Понятие о религии и религиозных феноменах в Японии // Феномен религии и религиозности: концептуализация в академическом философском религиозоведении. Владимир: ВлГУ, 2015. С. 90–106.

Фомичев П.Н. Дискурсы глобализации: предварительные размышления // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. 2000. С. 5–9.

Цицерон М.Т. О природе богов. СПб.: Азбука-классика, 2002. 288 с.

Цицерон М.Т. Философские трактаты. М.: Наука, 1985. 384 с.

Чистова Е.В. Эколингвистические проблемы перевода в эпоху глобанглизации и глокализации // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1. С.269–281.

Шохин В.К. Философия религии и её исторические формы (античность - конец XVIII в.). М.: Альфа-М, ИФ РАН, 2010. 784 с.

キケロ (山下太郎、五之治昌比呂訳) 『キケロ—選集 11 (哲学4)』岩波書店、2000年、387頁。

圭室文雄 『葬式と檀家』吉川弘文館、1999年、61–66頁。

大槻文彦著 『宗教』 『新編 大言海』富山房、1982年、979頁。

統計数理研究所 「日本人の国民性調査」 Available at: http://survey.ism.ac.jp/ks/table/data/html/ss3/3_1/3_1_all.htm (accessed 25 November 2019).

文化庁 (編) 『宗教年鑑 平成26年度版』東京:文化庁、2015年、35頁。

Fowler W. Warde. The Latin History of the Word «Religio» // The Religious Experience of the Roman People from the Earliest Times to the Age of Augustus. L.: Macmillan and Co., Limited, 1911. P. 7–14.

Isomae Jun'ichi Deconstructing «Japanese Religion». Available at: <https://nirc.nanzan-u.ac.jp/nfile/2876> (accessed 25 November 2019).

Isomae Jun'ichi Religious Discourse in Modern Japan: Religion, State, and Shintō / Transl. by Galen Amstutz a. Lynne E. Riggs. Leiden; Boston: Brill, 2014. 474 p.

Smith W.C. The Meaning and End of Religion. Minneapolis, 1991. 340 p.

Об авторе:

Аринин Евгений Игоревич – д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой философии и религиозоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григо-

рьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 600000, г. Владимир, ул. Горького,87.
E-mail: eiarinin@mail.ru.

Маркова Наталья Михайловна – к.ф.н., доцент, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 600000, г. Владимир, ул. Горького,87.
E-mail: natmarkova@list.ru/

Такахаси Санами, д-р философии, лектор гуманитарно-экологического факультета, Государственный Университет Кюсю, 744 Мотоока, Ниши-ку, Фукуока.
E-mail: 819-0395takahashi.sanami.003@m.kyushu-u.ac.jp.

Статья выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта №№ 18-011-00935.

THE TERM “RELIGION” IN THE CONTEXT OF THE “GLOCAL” APPROACH TO INTERCULTURAL COMMUNICATION IN RUSSIA AND JAPAN

E. Arinin, N. Markova, S. Takahashi

Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stestova. 600000, Vladimir, Gorky Str., 87.

Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stestova. 600000, Vladimir, Gorky Str., 87.

Kyushu State University, 744 Motooka, Nishi-ku, Fukuoka.

Abstracts. *The article analyzes the denotations and connotations associated with the term “religion” in Russian and Japanese sociocultural contexts from the perspective of “glocal religious studies”. In Russian culture, the term “religion” has been fixed since the beginning of the 18th century, acquiring the forms of two basic approaches, the first of which is the analysis of the socio-historical phenomena (denotations) themselves, which are referred to as “religion as such” (from non-Orthodoxy to atheism), while the second focuses on the study of the connotations of the lexeme “religion”. In Japanese culture, the European concept of “religion” has been affirmed since the second half of the 19th century, being associated among the majority of the population with the phenomena of Christianity, Buddhism, and new religious movements external to popular Shinto traditions, often accompanied by negative connotations. Historically, the term “religion”, which arose in European culture, has been associated with Christian connotations for about 1,500 years, dating back to the pre-Christian era of the development of Roman culture and the work of Cicero, who separated the local connotations of understanding “terrible” and “dangerous” that existed in popular beliefs (“superstitions”) from “truly terrible” and “dangerous for the state” in the elite consciousness of philosophers, defining religion as “serving the highest order of nature”. Religion emerged as the social ideal of solidarity, which needs philosophical understanding of both the ancient traditions of the people (“Mos Maiorum”) and its descriptions by “theologians” (poets and philosophers), where opinions based on fear of the invisible forces that rule the universe could be recognized as “superstitions”, contrasting with the critical thoughts of intellectuals of different philosophical schools “about the nature of the gods”, helping to reasonably maintain the harmony of “PaxDeorum”, while not falling into the one-sidedness of “atheism”, which was seen as a threat to the social order, law and justice.*

Key words: denotations, connotations, the term "religion", the phenomenon of religion, Russia, Japan, religious studies

References:

Averintsev S.S. Ot beregov Bosfora do beregov Evfrata [From the shores of the Bosphorus to the shores of the Euphrates]. *Antologiya blizhnevostochnoi literatury I tysiacheletia n.e.* [Anthology of Middle Eastern literature of the 1st millennium A.D.]. Moscow, MIROS, 1994. 360 p. (In Russian).

Arinin E.I. Religii, filosofii religii i «glokal'noe religiovedenie»: mezhduekzotikoi», «sovest'iu» i «professionalizmom» (k diskussiiam na Kongressakh rossiiskikh issledovatelei religii) [Religion, philosophy of religion and «glocal religious studies»: between «exotic», «conscience» and «professionalism» (for discussions at the Congresses of Russian religious scholars)]. *Voprosy filosofii - Philosophy Issues*, 2017, no. 4, pp. 25–36 (In Russian).

Benvenist E. *Slovar' indoevropeskikh sotsial'nykh terminov* [Dictionary of Indo-European Social Terms]. Moscow, Progress-Univers, 1995. 456 p. (In Russian).

Dement'eva V.V. Rimskaiia identichnost': formirovanie traditsii grazhdanskogo kolektiva [Roman Identity: The Formation of the Traditions of a Civil Collective]. *Antichnyi mir i arheologiya - Ancient world and archeology*, 2009, Vol. 13, pp. 203-212 (In Russian).

Kofanov L.L. *Zhrecheskii kollegii v Rannem Rime. K voprosu o stanovlenii rimskogo sakral'nogo i publichnogo prava* [Priestly Colleges in Early Rome. On the formation of Roman sacred and public law]. Moscow, Science, 2001. 328 p. (In Russian).

Luman N. Media kommunikatsii [Mediacommunication]. *Obshchestvo obshchestva* [Society of society]. Moscow, Publishing House «Logos», 2011. pp. 203-441 (In Russian).

Markova N.M. Problema veroterpimosti v otechestvennoi literature nachala KhKh veka (rossiiskoe zakonodatel'stvo o raskolakh i ereziiakh) [The problem of tolerance in Russian literature of the early twentieth century (Russian legislation on schisms and heresies)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta - Scientific reports of Belgorod State University*, 2015, Vol. 34, no. 20, pp. 65-67 (In Russian).

Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [The national corps of the Russian language]. Available at: // <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html> (accessed 25 November 2019) (In Russian).

Sini F. Pravo i pax deorum v Drevnem Rime [Law and paxdeorum in ancient Rome]. *Drevnee pravo. IVS ANTIQVVM - Ancient right. IVS ANTIQVVM*, 2007, no. 1 (19), pp. 8-36 (In Russian).

Takakhasi S. Poniatie o religii i religioznykh fenomenakh v Iaponii [The concept of religion and religious phenomena in Japan]. *Fenomen religii i religioznosti: kontseptualizatsiia v akademicheskom filosofskom religiovedenii* [The phenomenon of religion and religiosity: conceptualization in academic philosophical religious studies]. Vladimir, VISU, 2015. pp. 90-106 (In Russian).

Fomichev P.N. Diskursy globalizatsii: predvaritel'nye razmyshleniia [Discourses of Globalization: Preliminaries]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Ser. 11: Sociologiya - Social and human sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 11: Sociologiya*, 2000, pp. 5-9 (In Russian).

Tsitseron M.T. *O prirode bogov* [About the nature of the gods]. Saint-Petersburg, ABC-Classic, 2002. 288 p. (In Russian).

Tsitseron M.T. *Filosofskie traktaty* [Philosophical treatises]. Moscow, Science, 1985. 384 p. (In Russian).

Chistova E.V. Ekolingvisticheskie problemy perevoda v epokhu globanglizatsii i globalizatsii [Ecolinguistic problems of translation in the era of globalization and glocalization]. *Ekologiya iazyka i kommunikativnaia praktika - Ecology of language and communicative practice*, 2015, no. 1, pp. 269-281 (In Russian).

Shokhin V.K. *Filosofii religii i ee istoricheskie formy (antichnost' - konets XVIII v.)*. [The philosophy of religion and its historical forms (antiquity - the end of the XVIII century.)]. Moscow, Alfa-M, IF RAS, 2010. 784 p. (In Russian).

Cicero. *Election of the writings of Cicero. Volume 11. (Philosophy 4)* / Translation by Taro Yamashita and Masahiro Gonoji. Tokyo, Ivanami Schoten, 2000. P. 387 (In Japanese).

Fumio Tamamuro. *Funeral and Danka (structure of families belonging to the temple)*. Tokyo, Yoshikawa Kobunkan, 1999. pp. 61-66 (In Japanese).

Yoshikawa Kobunkan, Fumihiko Otsuki. «*Religion (shukyo)*» *New edition. Daigenkai (Wide sea of words)*. Tokyo, Fusanbou, 1982. P. 979 (In Japanese)

Center for Mathematical and Statistical Studies Available at: http://survey.ism.ac.jp/ks/table/data/html/ss3/3_1/3_1_all.htm. (accessed 25 November 2019) (In Japanese).

Religious Yearbook 2014 / Agency for Cultural Affairs (eds.). Tokyo, Agency for Cultural Affairs, 2015. P. 35 (In Japanese).

Fowler W. Warde. The Latin History of the Word «Religio». *The Religious Experience of the Roman People from the Earliest Times to the Age of Augustus*. London, Macmillan and Co., Limited, 1911. pp. 7-14.

Isomae Jun'ichi Deconstructing «Japanese Religion». Available at: <https://nirc.nanzan-u.ac.jp/nfile/2876> (accessed 25 November 2019).

Isomae Jun'ichi Religious Discourse in Modern Japan: Religion, State, and Shintō / Transl. by Galen Amstutz a. Lynne E. Riggs. Leiden; Boston, Brill, 2014. 474 p.

Smith W.C. *The Meaning and End of Religion*. Minneapolis, 1991. 340 p.

About the Author:

Arinin Evgeny I. – Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy and Religious Studies of Vladimir State University after Alexander and Nikolay Stoletovs, 87 Gorky Str. E-mail: Vladimir 600000 earinin@mail.ru.

Markova Natalia M. – PhD of Science (Philosophy), Docent, associate professor of Department of Philosophy and Religious Studies of Vladimir State University after Alexander and Nikolay Stoletovs, 87 Gorky Str. E-mail: Vladimir 600000natmarkova@list.ru.

Takahashi Sanami – PhD., Graduate School of Human-Environment Studies, lecturer, Kyushu University (JAPAN) 744 Motooka, Nishi-ku, Fukuoka. E-mail: takahashi.sanami.003@m.kyushu-u.ac.jp.